

жаемых событий: писатель как бы заставляет его принимать свои выводы, сам делит героев на «злых» и «добрых», сам оценивает их поведение и события, которые происходят при их участии. Автор не только описывает «деяния» героя, из которых читатель заключает о качествах его характера, но и называет сам эти качества, выделяя все положительное у одних и все отрицательное у других.¹⁰

Именно для подсказки читателю авторского отношения к изображаемому вырабатываются устойчивые определения, неизменно сопутствующие в каждый данный период рассказу о поведении одобряемых и осуждаемых героев.

Закономерно для средневековья, когда религия была господствующей формой идеологии, литература пользуется и другими специфическими приемами прославления и осуждения, такими же определенными по своему смыслу, как прямая оценочная лексика, и так же не оставляющими простора читательскому суждению. Высшая степень прославления героя — наделение его чертами образцового христианина, даже святого, включение в его биографию элементов чуда (знамения, предсказания, предвещающие славу при жизни или причтение к лику святых после смерти, божественная помощь такому герою в его борьбе с врагами и т. п.). Прямолинейное осуждение достигается изображением причины поступков отрицательного действующего лица, его «злых умыслов» и дел как вмешательства в жизнь человека его главного врага — дьявола, а поражения в борьбе с положительным героем, болезни — как наказания свыше. В таких религиозно окрашенных портретах авторская оценка внушается наиболее убедительными для современников средствами.

Однако свои гражданские настроения древнерусские писатели выражали иногда не только через оценки, пронизывающие весь рассказ, через общую его тенденцию. Уже с XI в. в различных жанрах мы встречаем в составе самого произведения эпизоды, своего рода лирические отступления, как бы обращенные к читателю и представляющие то эмоционально окрашенные рассуждения автора на ту или иную морально-общественную или политическую тему, то насыщенные лиризмом «славословия» родине и историческим деятелям. В исторической перспективе именно такие отступления (иногда они вкраплены в самое изложение, иногда служат предисловием или заключением) выглядят как предшественники гражданской лирики, лишь в XVIII в. окончательно оформившейся в особый литературный жанр. В этих древнерусских лирических отступлениях мы встретимся с основными ведущими темами «высоких жанров» XVIII в., прежде всего одической поэзии этого времени — с темами родины, стольного града, прославления правителей и их великих дел, побед русского оружия. Историческая обстановка каждый раз определяла тональность, в какой художественно воплощались эти темы, преобладание той или иной из них.

2

Быстрый рост могущества Киевского государства в X—первой половине XI в. дал основание для появления уже в старшем памятнике «высокого» жанра русской литературы этого времени — торжественного церковного ораторства — гимна расцветающей родине.

¹⁰ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в летописи XII—XIII веков. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 7—43. Роль оценочной лексики как средства выражения авторской точки зрения сохраняется до XVII в. включительно.